

П.С. Лопухин

Воспоминания о владыке Гаврииле

I

В 1922-5 г.г. в Белграде был небольшой кружок русской молодежи, интересующейся богословием. Это было через несколько лет после эвакуации, и это была молодежь, пережившая ужасы гражданской войны. Было время горячих исканий ответов на вопрос, почему произошла невероятная русская трагедия, как мог русский народ, такой одаренный, с такими добрыми возможностями, как мог он так ужасно пасть, как ему выбраться из этой пропасти, на чем утвердиться для возрождения, где его путь и смысл жизни. Это была молодежь, положившая основание Братства имени преподобного Серафима. Это было время горячей, напряженной жизни.

На праздник Сретения, придя в церковь, мы узнали, что служит новый незнакомый нам епископ Гавриил. С самого начала почувствовалось в храме что-то необычное. Священники, хор, иподьяконы, мальчики — все были несколько озабочены и подтянуты. Служба шла необычным порядком: облачение архиерея происходило в алтаре. Он вышел и занял место на возвышении уже в саккосе. Это было странно и необычно. Потом мы узнали

причину этого: — владыка был так бедно одет, что стеснялся облачаться перед всеми.

Его огромная фигура с большой круглой головой, на которой с трудом держалась митра, горящие глаза и какая-то напряженность производили впечатление и новое и странное, настороженное. Служба шла своим чередом. Ектении, антифоны, блаженны; с пением аллилуйя входят священнослужители в алтарь, все идет как всегда, но новое — это то, что всякий жест владыки делается им с напряженным вниманием,

от этого все в богослужении становится особенно значительным, и это всех держит в сосредоточенном внимании. И вот в первый раз слышится его голос: «яко свят еси Боже наш», голос высокий, звонкий и уже совершенно необычный и не соответствующий огромной фигуре владыки. Странное впечатление, но не разрушающее, а наоборот, собирающее внимание. Что-то необычное чувствуется в новом епископе. Вот он выходит с дикирием «Господи, Господи, призри с небесе»... Горящие, страшные глаза, глубокое внимание к произносимым словам. Он произносит строго по принятой форме, но как-то музыкально, очень сознательно и сильно... Великий выход. Он без митры, лысеющая голова, длинные волосы; его фигура занимает почти целиком царские врата, фигура негибкая и вместе с тем, как чинно торжественно, как красиво торжественно он принимает проскомидию... Протодьякон, став на одно колено, произносит «Архиерейство твое да помянет Господь Бог»... Владыка, приняв проскомидию, ждет, пока он кончит, и, не торопясь отвечает ему: «Протодьяконство твое» и т. д. полностью и заканчивает чуть заметным ему поклоном приветствием. Потом шаг вперед и также строго чинно и вдумчиво возглашает поминовение Короля Александра. Тихо поворачивается и ставит дискос на престол. Такое же медленное чинное

взаимное приветствие с настоятелем храма. Поминания идут своим чередом, и наконец: «Вас...» длинная пауза, во время которой он с наклоненной головой обводит всю церковь поклоном, а ему в ответ несетя короткий гул голосов «Архиерейство твое», и когда он кончается: «и всех православных христиан, да помянет Господь Бог во Царствии Своем». Так все делается торжественно, так внимательно, напряженно. Что это, спрашиваешь себя: — разработанная манера, внешность и только? Нет... — глубокое духовное внимание и вдумчивость подсказали и этот темп, и сосредоточенность его служения. Их создало глубокое благочестивое проникновение в великие события, совершающиеся на литургии. За этой внешностью чувствуется духовный огонь, горящий в его глазах и захватывающий всех молящихся. Но вот он вышел говорить проповедь. Первое мгновение он просто был страшен: горящие глаза, бледное, слегка вспотевшее лицо. Он вышел и быстро, пристально осмотрел всю церковь. Кто-то кашлянул на правом клиросе. Он вздрогнул и так и метнулся туда глазами. Все затихло. «Радуйся, Благодатная Богородице Дево, из Тебе бо возсия Солнце правды, Христос Бог наш, просвещающая сущия во тьме» — громко воскликнул, почти прокричал он тропарь праздника. Лицо его дрогнуло, и тихим голосом он продолжал:

«этот радостный клич несется сегодня из сердец православных, собравшихся на сретение Христа младенца, на руках ликующей Богоматери». И он начал говорить о возсиявшем Солнце правды, о божественной сущности Богочеловека, просвещающей сущия во тьме, о Его свете, проявившемся в день Преображения и отражающемся на верующих в великую Пасхальную ночь. Я не могу воспроизвести ее на память, но могу сказать, что он проповедовал и горел духом, радовался и ликовал восходу Солнца правды, плакал о сидящих во тьме, и о том, что это Солнце правды пришло ради них, ради темных и грешных.

Радостные и взволнованные мы расходились по домам. Я был раз на литургии, когда служил один священник софианец. Про его служение тоже можно сказать, что он служил напряженно, внимательно, но после его служения чувствуешь нервное утомление и тяжесть на душе, будто присутствовал при каком-то заклинании. После служения Владыки Гавриила на душе было отрадно, утомление здоровое. Это трудно объяснить, но кто испытал, знает это чувство и эту разницу. Этому не надо удивляться: так должно быть и душа не может не отзываться по-разному на духовное, благодатное горение православного епископа и на возбуждение софианца, не ведающего и не желающего ведать благодатной радости смирения.

Так началось наше знакомство с епископом Гавриилом. Господь дал нам счастье потом лучше узнать этого удивительного человека, и впоследствии сблизиться с ним настолько, что он называл нас «моя паства» или «мои кадровые слушатели».

Многие русские в Белграде хорошо знали владыку, как проповедника и лектора, но мы еще знали его как собеседника и духовного наставника в частных беседах. Вот об этих беседах я и хочу попробовать рассказать, надеясь, что в них читатели найдут мысли и образы, которые помогут им ближе понять этого оригинальнейшего и одареннейшего человека.

Беседы с епископом Гавриилом происходили в Белграде в самых различных условиях и местах: в трамвае, на пароходе в пригороде — Земуне, на улицах, на вокзале, иногда в Белградской квартире владыки митрополита Антония, где останавливались приезжавшие в Белград епископы. Епископ Гавриил уже был болен, когда мы его узнали. Он изредка приезжал в Белград из монастыря, в котором он жил постоянно. Он передвигался уже медленно, с трудом и неуверенно. Его надо было встречать, провожать, помогать ему. Он не любил оставаться один, и при нем всегда кто-нибудь дежурил. Он любил людей. Любил общение с ними и всегда хотел посетить кого-либо, и его надо было

проводить. Чтобы пройти несколько кварталов, ему нужно было час времени. И тут-то и происходили наши беседы. Ему можно было задать любой, самый сложный вопрос среди уличного шума и суеты и он отвечал на него сразу, и самой точной формулой. Быстрота ответа особенно поражала: во-первых, чувствовалось, как глубоко и ясно продуман и проработан вопрос, а, кроме того, было видно, как близки ему эти вопросы всегда, в любое время, что он постоянно ими живет. Не то, что когда-то думал, а как будто сегодня, почти сейчас только он думал о них и жил ими. Его ответы были быстры, точны и кратки. Требовалась особая бодрость духа, напряжение ума и духовного слуха, чтобы их сразу схватить. А он любил, чтобы его понимали сразу: ответит и грузно повернется и смотрит — понял или нет? И если понял, то он доволен и радуется. Сделает два шага вперед и опять посмотрит. И мы стоим среди тротуара, среди снующих и удивленно натякающихся на нас прохожих. Еще двумя-тремя фразами он углубит свою мысль и опять смотрит и радуется, и вдруг скажет какую-нибудь шутку или пропоет что-нибудь из относящихся к его мысли богослужебных стихир. И потом опять идем, а через несколько шагов опять остановка, и вот мы стоим, и на нас удивленно наталкиваются люди и обходят по обе стороны. Огромная фигура в широкополой и

странной какой-то шляпе с твердыми полями, немного согбенная на правый бок, с трудом передвигающаяся, была так оригинальна, так необычна, что вызывала удивление и всегда какое-то почтение и симпатию. Он отлично говорил по-сербски, и охотно заговаривал с незнакомыми. В разговоре он всегда смотрел прямо в глаза с такой искренней любящей откровенностью, радушием и весельем, что все поддавались его настроению. Его глаза светили умом и весельем. Однажды он ехал в трамвае. С трудом влез при помощи кондуктора (они ему всегда помогали) и вошел в вагон. Ему сейчас же уступили место; он сел и начал разговаривать сразу со всеми и через минуту стал центром общего внимания, причем все смотрели на него с улыбкой. Пред ним сидел мальчик-серб с матерью. Владыка начал ему говорить про себя, что вот он какой большой и толстый, занял сразу два места, а платит один билет, «это не порядок, почему так?» «Потому что ты красив» (за то што ти си леп) — твердо сказал мальчик. Это было очень неожиданно, все засмеялись, но мальчик не сконфузился. «Нет, я не красив, отвечал ему владыка, я старый, толстый, больной; ты красив — ты молод, здоров, а не я». «Нет, ты красив, я вижу, что ты красив», — уверенно ответил мальчик. Это неожиданный разговор, помню, я рассказал одной девочке лет десяти, которая знала владыку, и она ответила,

что мальчик сказал правду, потому что у владыки такие удивительные глаза, и в них так приятно смотреть, мальчик это почувствовал и вот и сказал, что сам владыка красив.

Итак, мы на главной улице, Кн. Михайловой, в Белграде. Весна, третья неделя Великого Поста. 10 часов утра. Владыка в 12 должен быть у патриарха. За два часа дойдем кварталов семь, и мы потихоньку двигаемся.

«Владыко, а вы будете здесь на Крестопоклонной?»... Молчит. «Владыко, будете?» Останавливается и смотрит на меня: «Возсияй Господень кресте, светолучныя молнии Твоя благодати в сердца чтущих Тя и благоприятною любовью приемлющих». «Что это значит? Вы будете?»... «Буду». «А почему выносятся крест на этой неделе?». «Я вам сказал». «Я не понял». «Возсияй светолучныя молнии благодати в сердца. Люди устают от поста, нужна новая сила для подвига. Поняли?» «Понял, но не совсем. Скажите, — почему именно крест? Что такое крест?» — «Знак подвига любви»... Останавливается и смотрит. — «Вы говорите, знак подвига любви... А не знак страдания?» «Нет. Страдания были вольные, они были потому, что Спаситель пожелал их принять ради любви к людям. Решающее значение имели воля и любовь. Поклоняясь страстям, мы прославляем первопричину их — любовь, и Крест Господень есть знак подвига

любви, не убоявшейся страдания и смерти и их побеждающей» «Возьми крест твой и по Мне гряди» — возьми подвиг любви, побеждающей грех, «и по Мне гряди». Страдающий не есть синоним несущего крест Христов. Страдают и все грешники... от неудовлетворенных страстей. Разбойник ошуюю тоже был на кресте и страдал вдвойне — и от боли и от злобы, но спасается другой, в котором, несмотря на страдания физические, горела любовь к Спасителю. Это величайшее проявление любви, побеждающей страдания физические. Когда какая-нибудь госпожа от суеты, раздражения, зависти и злобы изнемогает от усталости и говорит, что несет тяжелый крест... — она совершенно права, но это крест не Христов, а разбойничий... Поняли? Вама допада ова господжа? (Вам нравится эта барыня?)» «Понял и господжа не допада». Он улыбается, и мы идем дальше. «Интересно, владыко». Останавливается: — «Очень интересно» и смотрит на меня так сильно, так жизнерадостно, что и я смотрю на него всей душой, уходя за ним в мир созерцания Божественной жизни. «Что вы улыбаетесь?». «Да вы сами улыбаетесь, Владыко». Он немного растроган, поворачивается, идет дальше и вдруг какой-то серб из провинции радостно восклицает: «О-о, то сте ви (это вы) владыко?, добар дан, добар дан...» «Добар дан». «Како сте (как вы) владыко». «Е хва-

ла на питанью (благодарю за вопрос), како код вас?» «Хвала Богу — све ие добре (все хорошо)». «Па како иначе? (как в других отношениях). «Па и иначе све добро». «Приятно, поздравите кучи (приветствуйте домашних). «Хвала лепо, хвала лепо (очень благодарю), владыко». И прощаются. Ушел. «Владыко, кто это?» «Не знаю», и сладко, сладко смеется. «Я люблю сербов. У них нищие не говорят «подайте», а — «добар дан». Он представляет, как они кланяются и говорят «добар дан», смеется, и мы идем дальше.

«Владыко, а почему крест есть отгнание бесов?». «По ассоциации... Крест им напоминает всепобеждающую силу Божественной любви, победу над смертью, напоминает победу над ними, их бессилие, и этого они не выносят».

Здесь нас перебивает какая-то дама, с которой он очень дружелюбно разговаривает. Она одета по-беженски, — старое пальто и вязаная шапка, в которых ходили во времена добровольческой армии. Спокойная, простая, говорит весело, просто, улыбается. Ушла.

«А это кто?». «Одна очень благородственная женщина. Ее муж был болен, и мы вместе с ним были в больнице. Хорошие люди. Бедность, нищета, но не теряет способности жить, не угнетена, жизнерадостна, живет как птица небесная. Спаси ее, Господи». «Владыко, знаете, я этого образа «птицы небесной» не очень

понимаю». «Чего же вы не понимаете?» «Его художественной правды, его приложимости к жизни; — потому что мы все так или иначе сеем, жнем, трудимся...» «А она не трудится? Благодарю вас покорно. Попробуйте так потрудиться, как птица, от зари до зари, при полной беззащитности и неорганизованности жизни, я посмотрю, что вы скажете». — «Тогда в чем же сущность этого образа?» «В том, что она не угнетена своим трудом и заботой. Она трудится с песней. Она вылетает из гнезда, твердо веря, что найдет питание себе и птенцам. Человек должен верить, что если он будет трудиться, то Господь устроит его существование. Он должен жить в настроении веры, а не угнетенности заботой. В этом смысл этого образа». Он вдруг остановился и от души засмеялся: «У нас в семинарии был преподаватель, который, объясняя это место, рекомендовал в затруднительную минуту жизни полную пассивность. Надо, говорит, ждать, что Бог пошлет, как пташка, которая сидит, ожидая мошку, и чирикает на ветке. Попробуй так, почирикай. С голоду умрешь. Хороший был человек, добродушный, а иногда такую чушь нес. Спаси его, Господи».

Идем дальше. «Владыко, я хочу опять о кресте говорить». «Говорите — я послушаю». «Нет, я хочу спрашивать». «Спрашивайте». — «Вы говорите, крест — знак подвига люб-

ви, и дьявол его боится по ассоциации. Но тогда он должен бояться всякого креста. Тогда он не может подойти к храму, а между тем...» «А между тем, перебил меня владыка, Василий Блаженный бил камнями демонов, сидящих на стенах храма. Вы это хотели сказать?» «Да, ну как же это?» Крест есть знак подвига любви и силы любви. Прогоняет бесов сила Христова. Помните слова: силою на тебе Пропятого. Сила, присущая Христу, сила над дьяволом победная, она изгоняет беса, а крест есть знак этой силы. Что такое сам крест? Две перекрещенные палки. Бес изгоняется не этими двумя палками и не перекрестком, а силою Христовой. Когда человек крестит нечистую силу, это значит, что он в борьбе с сатаной, или вернее — в борьбе сатаны с Богом, находится на стороне Бога и поднимает оружие, которым дьявол был побежден. Это оружие не две палки, и не ими он прогоняется, а Христова сила, к которой человек с верой обращается. Существенное в этой борьбе то, что человек с Богом, с Божественным миром, побеждающим мир сатаны. Значит, изгоняет беса Христова сила... Монахи на Афоне говорят, что если крестить беса небрежно, то такой крест не действует. Что это значит? Ну, что это значит? Это значит, что человек не холоден и не горяч...» «Простите, Владыка, я не понимаю». Владыка сердится: «Ну, чего вы не понимаете, это так по-

нятно. Это значит, что в данный момент этот афонский монах с его небрежным крестом... по отношению к миру света и миру тьмы занимает положение благожелательного к свету нейтралитета. Он не становится на сторону света. Он ни холоден, ни горяч. Он ничто, в нем, и в его кресте нет силы, потому что он в данный момент ей непричастен. Поняли?» «Понял. Значит, побеждает всегда победная сила Христова, и в данный момент побеждает она же, если я ей причастен, и самое краткое и полное выражение моей причастности ей верою моею, это крест — знак победы любви. Так?» «Так... фино (тонко). Прекрасно». «Нет, я хочу дальше спрашивать». «Спрашивайте...» — «Вот этот нейтральный, как вы говорите, человек, ведь он все-таки крестится, все-таки он мыслит себя в мире света...» «Он ничего не мыслит: небрежный крест — это механическое движение; он небрежен потому, что душа спит. В мире света, в мире божественном, нельзя быть пассивным. Мир Божественный так удивителен и так чужд греховному человеку, что последний находится в нем и углубляется в него всегда с усилием. Он всегда идет против течения: мутные воды страстной человеческой природы отнесут его вниз, и он может двигаться вперед и даже только стоять на месте — постоянно гребя... Это афонское предание, наивное по форме, очень глубоко по содержанию...»

— «Владыко святыи, а что такое целование креста: что мы целуем — знак или самый крест?». «Это вы сами можете сообразить». «Но вы все-таки скажите...» «Поклоняемся кресту, как символу Христа, Его победы, Его силы и Его любви, а целуем священную вещь». — «А почему целуем?» — «Самое нежное и осторожное прикосновение к священному миру». «Это то же, что целование икон?»

Владыка не отвечает, потихоньку идет, останавливается и поет: «Крест начертав Моисей, прямо жезлом Черное пресече...», а об иконах до другого раза. Надо идти к патриарху. По улице короля Петра в одном месте очень скользко... Вы там должны идти у меня с левой стороны». «Но в левой у вас палка». — «Палка... она тоже может поскользнуться...» Он вдруг останавливается: «А может быть, и вы поскользнетесь?». «Нет, я не поскользнусь». «В переносном смысле я знаю, что вы не поскользнетесь, Господь сохранит вас, но в прямом... Вы не внушаете мне доверия. Вот Иван Алексеевич тоже хороший человек и надежный, но ходить с ним в гололедицу... избави Бог. Он меня не держит, а говорит о «подобных» на самых скользких местах... Никодим, раб Божий, надежнее вас всех. Но надо ему отдохнуть: он меня три дня, как медведя, по улице водил». Мы доходим до угла улицы короля Петра. «Ну смотрите — всюду посыпа-

но». Владыка опасливо озирается: «Да... как будто ничего... Там, около патриарха, есть опасное место: там булыжники округленной поверхности и потому точка опоры и трения сокращается...», потихоньку мы доходим до «опасного места», но и оно не очень опасно, и мы благополучно входим в ворота Патриархии. Владыка отдыхает от страха на булыжниках округленной поверхности, улыбается, благословляет: «С Богом, поздравите господжу, полюбите (поцелуйте) детей». «Владыко, а когда же теперь увидимся?» — «Приходите завтра. Мы сегодня с Леонидом Ивановичем идем в баню». «А вы с ним не боитесь ходить?» «Нет». «Он надежный?» «Надежный». «Во всех отношениях?». «Во всех... если не сойдет с ума». «Отчего?» «От спорта». «Да разве от него можно сойти?». «Можно». «Почему?» «Потому что может поглотить человека». «Но его не поглотит?». Но слышно, как наверху открываются двери, и он не хочет говорить. «С Богом, поздравите господжу, полюбите децу». С лестницы спускаются два серба и с улыбкой и почтительно кланяются владыке, подходят к нему, он поворачивается к ним, и мы расстаемся до утра...

II

«Любезный о Господе П. С. Получил Ваше письмо с просьбою прочесть лекцию о Церкви. Вы заказываете мне лекции, как кухарке блюда. Позвольте епископу самому решить, что вам читать. Приеду во вторник 20 октября по старому стилю, в 5 ч. 35 минут вечера. Поздравите господжу, полюбите децу. Е. Г.»

Это письмо я получил в ответ на просьбу, написанную в результате многих размышлений о Церкви. Владыка нам уже прочел цикл лекций на тему «Евангельские притчи», и мы сознавали, что нам мешает понять всю глубину его толкований то, что нам было неясно — что такое Церковь, и вместе с тем мы чувствовали, что именно здесь ключ к уразумению всего дела домостроительства Господня, поскольку оно может быть уразумуемо людьми... Вместе с тем мы чувствовали, что владыка именно этот догмат как-то особенно ярко понимает, живет им, что это дает ему метод для разрешения множества вопросов, и, между прочим, метод для толкования Евангелия, и что, утвердившись на этом камне веры, он так спокойно и как власть имущий учит нас. Потому-то я и написал ему длинное письмо и просил говорить о Церкви, и только о ней. Полученный ответ меня не только огорчил, но, откровенно сказать,

и рассердил: мне было досадно, что владыка не понимает, как это важно для нас и вообще не чувствует, что нам надо... С такими чувствами в 5 ч. 35 м. я был на вокзале.

Приходит поезд, суета, владыки нигде не видно, бегу вдоль поезда, — нигде нет. Когда схлынула волна пассажиров, в одном из опустевших вагонов 3-го класса я увидел грузную фигуру больного владыки. Прижимая к себе палку больной рукой и здоровой держа корзинку, он стоял, загородив боком окно, и тщетно стараясь открыть дверь на площадку.. Я быстро взошел, открыл дверь, и сердце невольно сжалось при виде его бледного, измученного беспомощностью лица. Я взял у него корзинку, и сразу забыл недовольство, остроту о кухарке и, как мне казалось, его непонимание: ведь с таким трудом он, больной, ехал только для того, чтобы читать лекции небольшому кругу лиц, его постоянных «кадровых», как он говорил, слушателей. Слабая улыбка тронула его лицо: «Я думал, что вы меня забыли и не пришли...» «Ну, как можно». «Вы получили мое письмо?» «Получил». «Вам понравилась кухарка?» «Нет. Нет, владыко, совсем не понравилась. По правде сказать, ничего похожего нет. Это вы как-то совсем неудачно написали». «Нет, удачно». «Да ведь неверно, ведь ничего похожего нет». «Нет, есть». «Ну, хорошо, пойдёмте только, — что мы стоим в вагоне, надо

идти. Это мы потом обсудим». Я видел, что он улыбается, и что-то знает, чего я не понимаю, и это вызывало во мне досаду и на него и на себя; он мое настроение, по-видимому, понимал, и ему было смешно. Я заговорил о чем-то другом, он отвечает, но все про себя что-то улыбается.

Медленно двигаясь, — владыка почему-то шел не только медленно, как всегда, но, на этот раз, еще и прихрамывая, — мы не без труда выбрались из новой волны пассажиров, хлынувшей садиться в вагоны, и вышли на крыльцо. Владыка не мог ездить ни в каретах, ни в автомобиле, потому что не мог в них влезать. На счастье, стояла пролетка. Открыли верх, и владыка с трудом поднялся на подножку и сел, скорее свалился на сиденье, заняв его почти все. Кое-как боком я всунулся рядом с ним с левой стороны, и мы уселись оба, повернувшись в правую. Поехали. Я что-то спросил его. «Пожалуйста, ничего не говорите, потому что вы не можете слышать мои ответы, когда я говорю, отвернувшись о вас». Едем молча. Но я вижу, что ему что-то не по себе, что он как-то морщится. «Владыка, — вы нездоровы?» Он рассердился: «Что вы спрашиваете о здоровье человека, еле живого, с совершенно разбитым здоровьем». «Но я заметил, что вам что-то не по себе». «Это по другой причине...» «По какой?» «Ах, да не спрашивайте, пожа-

луйста, когда вы ничего не можете сделать». «Извините». «Да не в том дело... У меня разорвана подошва... Сегодня на станции... я, по-видимому, на что-то наступил, и это осталось в подошве. Мне приходится сейчас налегать на эту ногу, и вот это мне делает больно». «Так дайте, я выну». «Нет, мы лучше доедем». «Но почему же, раз это делает вам больно?» «Но ведь вы же не можете помочь...» «Да почему не могу. Стой!» Извозчик остановился, я слез, владыка с трудом выставил ногу, и я какой-то щепкой выкопал из совершенно протертой подметки застрявший там порядочный гравий. «Ну, вот видите — вынул!» «Да, к удивлению, вынули. Благодарю вас». «Почему — к удивлению?» «Потому что — к удивлению». «Ну, все равно, едемте, я буду молчать, а дома вы мне расскажите, почему вы меня не поняли и написали про неудачную кухарку». «Все понял, и кухарка очень удачная».

Когда мы приехали, квартира владыки еще не была натоплена, и около печки возился студент богослов. Владыка, как был, в шубе, вошел в комнаты и сел в столовой. Видимо, он был очень утомлен, и мы молчали. Когда железная печь стала быстро нагревать комнату, он приказал расстегнуть верхнюю зимнюю рясу и снять шарф и сидел, как будто дремал. Когда комната совсем нагрелась, он решил снять теплую рясу и снова сел. Лицо бледное,

измученное; мы молчали. Вдруг он открыл глаза и слегка улыбнулся: «фино»... «Тепло?» «фино», и опять задремал. Потом открыл глаза и улыбнулся. «Хорошо Вам?» «Ничего», и вдруг засмеялся: «итак, вам не понравилась моя кухарка?» «Ни капельки». «А ведь тонкая кухарка?» «Да нет, владыко, в самом деле, неудачно: начать с того, что я не заказывал, а просил. Затем — просил читать о Церкви». «А я только это и делаю», неожиданно ответил владыка и воззрился на меня. «Как так? Вы никогда не читали нам о Церкви. Вы читали о притчах Господних». «В которых — быстро перебил меня владыка, — раскрывается закон Божественной жизни, раскрывается содержание этой жизни, и вот люди, причастные этой жизни — это и есть Церковь». «Ну-ка, скажите поподробнее». «Да что тут трудного? Церковь есть особый мир, особая жизнь, особый, если хотите, духовно-телесный организм, Глава которого Христос. Он в Себе создал новую жизнь — Богочеловеческую, и дал людям возможность приобщиться этой новой жизни; приобщенные Христу — есть новая тварь — Церковь. Содержание новой жизни дает Христос. Вот это содержание или законы новой — Христовой жизни и раскрываются в притчах, о которых я вам и говорил. Значит, я вам читал о Церкви. Понятно?» «Подождите, владыко, дайте, я лучше вникну. Прежде всего: в притчах

говорится о людях, а в Церкви не только люди, но и ангель». «Да, но в притчах говорится о законе божественной жизни в образах, понятных людям. — Если не понимаете, когда говорю вам о человеческом, как поймете, когда скажу о божественном? Чтобы понять жизнь божественную, надо, прежде всего, постараться понять настроение человека, живущего этой жизнью; Господь Иисус Христос не сказал ученикам, *что* есть Церковь, а в притчах раскрывал ее сущность. Познать и полюбить сущность божественной жизни, приобщиться ей — в этом и есть смысл жизни человека». «Владыко, но вот вы же знаете, что есть Церковь?» «И вы знаете, только не знаете, что знаете. Вы меня спрашиваете, требуете лекций, это вас влечет к себе эта жизнь. В этом все дело. Дать точные определения Церкви, может быть, даже невозможно. Ап. Павел говорит — Тело Христово, но сам еще дополняет это определение и говорит о тех внутренних процессах, росте и созревании в любви, которые происходят в этом теле. Но полюбить эту жизнь, полюбить общенность ко Христу, единство людей, приобщенных к новой Христовой жизни, поверить в эту жизнь и в ее силу, которая раскрывается в тех же притчах, — о квасе, о зерне горчичном, — вот это и значит познать Церковь. В притчах прямо говорится о такой любви к Христовой жизни — вспомните притчу о со-

крытом сокровище, о жемчужине... Да, это жизнь особенная; Церковь есть особый мир; эта мысль выражена в притче о дворе овчем: этот двор отделен от остальной жизни, у него есть своя ограда — законы евангельские, у него есть своя дверь — Христос: только через Него можно входить в эту жизнь. Что это значит? — это значит, что быть в этом дворе — в этой жизни можно, только приобщившись ко Христу, начав жить Его жизнью. Наши интеллигенты, которые не прочь иногда поговорить о религиозных вопросах, любят вспоминать слова: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я среди них» (Матф. 18, 20). Они любят приводить эти слова, между прочим, в доказательство того, что Христос пребывает со всеми, кто призывает Его имя, и на этом они строят теорию о равенстве всех христианских вероисповеданий. Между тем слова «во имя Мое» надо понимать в смысле духа и настроения Христа. Между тем, христианские исповедания в этом именно различаются от истинной православной веры: скажите, что есть общего в духе и настроении православного и хлыста? Какое может быть между ними внутреннее и духовное единство? Никакого, ибо настроение последнего — есть то состояние, от которого бежит первый. Эти слова были сказаны апостолам — «что вы свяжете на земле, то будет связано на небе» и «Истинно говорю вам,

что если двое или трое из вас согласятся просить, то будет им дано от Отца Моего» — это вы, о которых говорит Христос — это апостолы, это христиане, приобщенные ко Христу духом и сердцем, и только они и могут собраться во имя Его. «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Матф. 12, 30). «Не собирает» — это еще более подчеркивает мысль «кто не со Мною», собирать вместе со Христом «значит делать одно с Ним дело, жить одной с Ним жизнью... Понимаете?» — вдруг спросил владыка. Я не сразу мог ответить на его вопрос и на его неожиданно горячую, вдохновенную речь — слишком много вопросов и мыслей толпилось в голове. Но владыка не стал ждать, пока я в них запутаюсь, и продолжал:

«Если вы внимательно следите за моей мыслью, то у вас должен возникнуть вопрос: что же обуславливает нахождение в Церкви: правильное внутреннее состояние человека или правильная вера. Так? Вы думали об этом?» Эти слова меня даже взволновали: я как раз думал об этом. «Ну и отлично, очень хорошо. На этот вопрос я вам и отвечу: нужно и то и другое. Нельзя быть со Христом, если человек неверно представляет себе Христову жизнь, если он чужд ей. Вероисповедания различаются именно в том, что они по-разному представляют сущность и содержание Христовой

жизни. Пусть они сходятся в том, что признают за добродетель милость и любовь, но они по-разному представляют себе отношение Христа к человеку: никто, кроме православных не верит в возможность преискренного, существеннейшего приобщения ко Христу. Для протестантов Он некая отвлеченность. Но протестанты недаром вышли от католиков — все юридические представления последних также построены на том, что нет этого живейшего сознания и ощущения приобщенности ко Христу. В этом все существо отличия и тех и других от православных. Православный отличается от них внутренним устройением и мыслью о том, каково должно быть христианское настроение. Православный и инославный никогда не могут иметь того «собора», того внутреннего единства, о котором говорит Спаситель апостолам: они не могут собраться «во имя Христово», потому что они по-разному понимают, чего хочет от них Христос, по-разному и разное будут «собирать». Это вам на вопрос об исповедании. Но одного исповедания мало — за ним требуется верное внутреннее устройство, которого, запомните это, не может быть при неверном исповедании. Нужна постоянная внутренняя работа над собою, постоянное уподобление тому купцу, который ищет сокровища, постоянная, деятельная любовь и стремление ко Христу. Что значат

ваше верное понимание Христовой жизни, если у вас нет любви к этой жизни, если вы чужды ей? Это верное понимание — этот великий, благодатный дар — он делает вас только более виноватым в вашей отчужденности от Христа. Вот что должны помнить православные... Грехами человек все дальше и дальше отдалается от Церкви... Вы обратили внимание на слова, которые духовник читает над вами, когда на исповеди разрешает вас от грехов: «возсоедини его Святой Твоей Церкви»? Так вот знайте, что грехи нераскаянные вас действительно отделяют от Церкви. Нераскаянный грех есть богоборчество: как же можно быть в Церкви, в Христовой жизни, если человек внутренне борется с этой жизнью? Вот недавно владыка Антоний приводил вам слова Иоанна Златоуста о том, что главная черта, которой отличается христианин, есть именно покаяние — христианин это кающийся человек...»

Владыка задумался и опустил голову. Вдруг лицо его вздрогнуло, и на глазах показались слезы. Он немного отвернулся и хотел достать платок, он оказался в теплой рясе. Пока я копался, доставая его, владыка внимательно следил за мной. Я обернулся, подавая платок — владыка смотрит на меня с ласковой, доброй, доброй улыбкой... «Итак?» «Итак, очень интересно». «Очень? А куварица моя вам не понравилась?» «Нет. Ведь вот вы сейчас го-

ворите же мне о Церкви, почему же нельзя читать лекций о ней?» «Это вы хотите, чтобы я вам читал лекции по догматическому богословию, а я этого никогда не буду делать. Терпеть не могу. Самое бесполезное занятие. Слушатели думают, что все понимают, а на самом деле — ничего. И все сразу улетучивается. Надо сперва понять внутренне и полюбить содержание жизни Церкви, тогда вам будет понятна Церковь. А вы мне заказываете как кухарке блюда. Нет, кушайте то, что я вам дам. Поняли?»

«Н-да, теперь понял». «А куварница ниие допала, не понравилась?» «Ну, Бог с ней, а вы теперь вот что скажите...» «Само извольте».

«Итак, значит, Церковь есть жизнь людей в Боге, жизнь особенная... И Христос есть и начало и содержание этой жизни... А как люди находятся в этой жизни, в этом единстве в Боге? Как человек в ней пребывает? Поглощается ли он этой жизнью, ну как капля воды в океане, или как?» «Нет, он не поглощается ею. Человек есть особый мир, обладающий способностью проникновения в другие миры, сохраняя свою личность. Он пребывает в Церкви одновременно и со всеми вместе и как личность. Это принцип Троицы — простой и нераздельной».

«А Церковь на земле?» «Вопрос не ясен». «Да, правда: я хочу спросить — Церковь земная — она только готовит людей к Церкви не-

бесной?» «Нет, она сама есть Церковь: это есть единство людей, подлинно причастных ко Христовой жизни, это есть подлинная жизнь в общении с Господом Иисусом Христом. Вспомните «Попадавай нам истее Тебе причащаются в невечернем дни Царствия Твоего», т. е. дай нам еще теснее, еще преискреннее причащаются, но мы уже причащаемся Ему и в этой земной жизни, мы знаем Его жизнь, и мы в ней находимся... Молитв ради Пречистыя Его Матери...»

Это знание подлинной Христовой жизни и причастность ей составляет наше блаженство, нашу жизнь. Она почти невыразима. Но люди духовные ощущают ее друг в друге, и это наполняет их сердца тихой кроткой и бесконечной радостью, радостью христианского общения и единства. Она в некоторой степени выражается в церковном пении. Господь есть истина, Добро и Красота, и вот в пении это проявляется. Божественная красота проявляется в пении церковном, конечно, в истинно церковном, а не в тех произведениях концертных, которые, к стыду нашему, нередко исполняются в церквях в угоду людям не духовным, а душевным, вроде напр., «Покаяния» Веделя. Некоторых радует эта вещь, но для церковного слуха она почти нестерпима. Но есть пение, в самом деле церковное, и кто умеет проникаться его красотой, легкой, духовной, вызывающей, ред-

ко, впрочем, кому известное чувство умиления (а не нервные слезы) — душа такого слушателя подлинно касается божественной жизни. Церковное пение есть выражение высочайших духовных переживаний, им созвучное. Ничего удивительного нет, что такое пение мало кто умеет понимать и ценить. Для этого нужна особая настроенность души, и обычно наши барыни больше любят концерты. Они тоже бывают красивы, и тоже имеют свое содержание, но несоизмеримое с произведением духовным. . . Вы понимаете, что значит дух веселится?» «Боюсь, что по-настоящему не понимаю». «Это такое настроение, которое словами описать невозможно, но в пении пасхальных стихир оно выражается. Вот, жалко, нет пианино, я бы вам показал. . .» «Владыко, но если оно непонятно многим, то разве правильно, что поют такие напевы?» «Правильно. Нельзя равняться по уровню развития благочестивых, но не духовных людей. Все богослужение по содержанию, по мыслям выше их, но оно влечет их, поднимает и, не понимая его в той силе, как его понимают люди духовные, они начинают любить эту высшую жизнь, облагораживаются и постепенно ей приобщаются. Она для них как огонь в темной дали: он далек от них, но все-таки показывает направление. Они видят его и верят, что есть люди, достигшие его и пребывающие в

радостных лучах его живительного тепла. Св. отцы говорят, что невозможно человеку постоянно пребывать на самом высоком доступном ему духовном уровне. Апостол Павел был восхищен до третьего неба, но потом снова возвратился на сравнительно низший уровень. Но у него осталась память о бывшем и невыразимом, и эта память была для него как залог возможности снова там быть. Так и в пении и вообще в богослужении. Оно зовет, учит, открывает неведомые грешным людям высоты созерцания Истины, оно приучает душу к райской жизни, потому что это и есть сама райская жизнь, поскольку люди могут ее уразуметь и усвоить» — и владыка запел тропарь Преображения: «Показавый учеником Твоим славу Твою, якоже можа-а-аху».

«Наши возможности передать все это — продолжал он после паузы — конечно, ограничены и восприятие также. . . Господь дал нам возможность созерцать божественную жизнь и ей приобщаться, но так, что ее огонь нас не опалает. Но вы всегда должны помнить, что во время литургии, в момент приобщения, хотя ничего вокруг нас не меняется, — происходят великие, потрясающие дела Божией силы и любви. Когда приобщаетесь св. Тайн Тела и Крови, вы говорите «Содетелю, да не опалиши», называете Тайны — горящим углем и должны помнить, что совершаются страшные

события...» «Почему страшные?» «Потому что Бог — Дух страшный для грешного человека. Между нами и Богом — пропасть, и Господь приходит к нам ради любви к нам, и, сберегая нашу жизнь, приходит под видом Хлеба и Вина, чтобы невидимо, внутренне, духовно и телесно приблизить нас к Себе, приобщить, сделать сынами и наследниками. Это потрясающее душу, сердце и ум событие, и чем больше человек в него вникает, тем более просветляется, перерождается и умиляется. Чем выше духовная настроенность человека, тем сильнее он это чувствует, также как и свою греховность... Мы, конечно, не способны вместить и бесконечно малую частицу благодати, даваемой нам всегда в изобилии «мерую утрясенною и наполненною», но и то, что берем от этого, иногда сотрясает все наше существо...

Вот недавно вас так прекрасно поучал митрополит Антоний о том, что общение со святыми подготавливает человека к общению с Богом: чтобы схватиться рукою за горячий уголь, говорил он, ее надо приготовить, сперва берясь за предметы, менее нагретые. Сравнение прекрасное, ибо эти предметы согреты тем же огнем. Святые — посредники между нами и Богом, в них есть огонь божественной жизни, конечно, в меньшей степени, но и с ними молитвенное общение иногда производит глубокое потрясение». Вла-

дыка остановился, задумался, как будто колеблясь, говорить или нет, и потом продолжал тихим и как будто робким голосом.

«Помню раз в Киеве... Накануне праздника святителя Николая... после длинной всенощной мне говорит архиерей, чтобы я завтра говорил проповедь. Вернулся я домой поздно, сел за стол, взял житие святителя, начинаю перебирать мысли и замечаю, что у меня в душе пустота. Мысли отрывочные, в душе холод и пустота... Думаю — вот завтра праздник святителя, столь любимого русским народом, а у меня, священнослужителя, душа пуста, сердце холодное... и так мне стало грустно и горько. Думаю, вот до чего я погряз в грехах: и мысленно обращаясь к святителю, говорю: «Подними меня ты! Согрей мое сердце, наполни сердце любовью ради тех, любящих тебя, кому я должен говорить...» И так сижу, перелистываю житие... И вдруг стали возникать образы за образами с такою силою, такие прекрасные, умиленные образы, с такою захватывающей силою и правдою, что я не смел двинуться, и уж не знаю, что это было и как объяснить... как будто холод какой-то или дуновение прошло по затылку кверху, как будто волосы зашевелились... Я сидел так, не двигаясь, всматриваясь в эти дивные образы... Вот ночь. Темная ночь. Спят добрые люди. Но не спит зло. Злодеи, разбойники пользуют-

ся ночным мраком, чтобы им скрыть свои злые дела страстей и разврата. Они крадутся по маленьким улицам города, пропадая в черных переулках. Но вот идет кто-то еще, не похожий на них. Он также тихо идет около стены, останавливается около окна и тихо просовывает свою руку. Но в ней нет злодейского ножа. Это святитель Николай кладет золото, чтобы остановить отца от злодейства и спасти его дочь от позорного пути. Разбойник радуется мраку, чтобы им скрыть свои злые дела. Св. Николай им целомудренно закрывает свои добродетели! Вы понимаете, какие это полюсы настроений и побуждений, какие полюсы добра и зла на этой грешной земле? Святитель, спасающий гибнущих в море, в страшную бурю... В нашей жизни, в море человеческих страстей, в море постоянно бушующего и разрушающего зла, в этой злой жизни, но вне ее, ибо он ей непричастен, непоколебимо стоит святитель Николай и спасает погибающих. Он полон силы, о которую бессильно разбиваются волны зла, потому что он живет иною силою, жизнью любви и сострадания...

Так я сидел всю ночь. А утром поехал в храм служить литургию и не чувствовал никакой усталости и говорил проповедь. И ничего, верую, что по молитвам св. Николая говорил хорошо... Мне говорили потом, что это была хорошая про-

поведь...» Владыка застенчиво замолчал, а потом вдруг улыбнулся: «По крайней мере, архиерей», и тут он начал его представлять — сказал мне: «Очень хорошо. Много раз слушал проповеди в день св. Николая, и сам говорил, но такой никогда не слышал. Очень, очень хорошо», и владыка весело, весело засмеялся. — «Заметьте — и сам говорил — но такой никогда не слышал».

Тут принесли владыке ужин, и на этом прервалась наша беседа.

III

Владыка в Белграде. Он приехал накануне, мы беседовали до позднего вечера, и он позвал меня придти к нему утром.

Когда я вошел к нему, он сидел за столом, пред ним лежало маленькое Евангелие. Он едва повернулся на мои приветственные слова и с трудом, молча благословил. Я сел наискось от него, сбоку стола и взглянул на него. Лицо бледное, нездоровое, глаза закрыты. Он с трудом раскрыл один глаз, и опять закрыл. Ну, — думаю, пропала наша беседа: раз у владыки не открываются глаза, это верный признак, что он чувствует себя совсем плохо. Когда, как этот раз, он не мог поднять век, это действовало на него особенно угнетающе: это было следствием упадка сил, не только физических, но еще больше душев-

ных. Чтобы одолеть эту слабость, он не прибегал к отдыху, еде и вообще к мерам материальным, он старался оживить свою душу и обычно начинал вспоминать какие-либо церковные песнопения. С усилием пропоет, почти прошепчет какой-нибудь мотив, и вдруг раскрываются его глаза, живые и веселые. Но вот отзвучат в его душе звуки, с которыми так властно связаны духовные переживания или воспоминания, и снова бессильно закроются его дотоле живые глаза... Так было и на этот раз. Вот он вспомнил какую-то церковную песнь, ожил на минуту, но я не сумел поддержать его духовного оживления, и его душа опять перестала владеть телом, обессиленная его немощами и недугами...

«Пропала наша беседа», — снова подумал я с жалостью и досадой...

Но владыка как будто услышал мою мысль, с усилием взглянул на меня, не то просительно, не то повелительно, и тихо сказал — «спрашивайте».

Но что его спрашивать, когда он так измучен? Какая может быть беседа, когда он не то что говорить, а вот и смотреть не может... Но делать нечего, буду его просто занимать разговором, развлекать, как больного... Я не стал его спрашивать, а решил сам ему рассказывать свои мысли в надежде, что, как он ни слаб, он меня поправит, если я в

чем ошибусь.

В то время было много разговоров по поводу попытки создать религиозное единение между людьми разных исповеданий. На этих путях работало Р. Хр. Студент. Движение, близкое к организации У.М.-С.А. Глава последней на съезде в Болгарии говорил о том, что задачей этой организации является «создание единого мирового целого, управляемого единой волей», причем в это единое целое призывались вступать организации православные, наравне с другими, разных исповеданий. В связи с этим и возникали вопросы, как может вступить в такое единство православный человек или организация, может ли, в самом деле, быть религиозное единство разных исповеданий, какою ценой может поддерживаться такое единение*.

В то время, когда мы беседовали с владыкой Гавриилом, около 1928-30 г.г., эти вопросы были новыми, волнующими, многие расходились по ним... Идея создания такого религиозного объединения — религиозного тела — во имя Христа, из людей, по разному верующих во Христа, по разному понимающих отношение Христа к людям, и людей ко Христу, мною всегда воспринималась как невыносимо фальшивая. Я чувствовал, что практически такое единение возможно лишь при условии неполного исповедания людьми своей веры, при

условии отказа от вероисповедания ее. В настойчивой попытке создать такую организацию мне чувствовалось стремление создать «церковь» без Христа, но во имя Его, чувствовался гуманистический, масонский, обманный дух.

Вот эти мысли я и начал высказывать владыке. Начал я вяло и с трудом, только чтобы его развлекать; безжизненное, нездоровое лицо владыки меня нисколько не воодушевляло, но потом мало-помалу я увлекся темой, перестал смотреть на него, говорил живо и горячо, и когда закончил словами — «Разве это неверно? Разве не потому в этих организациях так тяжело на душе, так нервно — искусственно, так фальшиво? Разве это не есть чувство души, которую теснят и на которую покушаются? Разве это не попытка оторвать людей от Христа, от Тайн Тела и Крови? Скажите, владыко, разве это не есть попытка подмены Церкви?», — я вдруг взглянул на него...

Боже мой, какая перемена... Глаза открыты, владыка с силой и прямо смотрит на меня; лицо живое, спокойное, сильное...

«Прекрасно, отлично... Я даже не знал, что вы понимаете такие вещи... Совершенно верно. Благодарите Бога, что Он вас охранил от этих «единений», что Он дал вам непосредственное дивное чувство Церкви и церковности... Благодарите владыку Антония за то, что он

воспитал вас в этом... Да, да — *православная* душа только тогда православна, когда она ощущает Божественную, Христову жизнь. Вы смутно почувствовали тесноту и покушение, потому что вашу душу хотели оторвать от вечного, неиссякаемого источника жизни. И душа ваша затосковала и взволновалась: ее хотели оторвать от счастья, от блаженства причастности ко Христу. Вы этого не знали, но душа ваша это знала. Душа человека знает много больше, чем знает человек, и если бы он умел ее слушать... И заметьте: авторы всех этих попыток — люди, не знающие этого счастья. Их вина меньшая, чем тех православных, которые идут за ними и даже помогают им. Дьявол ловко ведет свое дело: соблазнителями выступают люди, для которых и чисто гуманистическое предприятие представляется большим и добрым делом, они зовут к таковому единению и близости горячо, воистину не ведая, что творят. Но для православного сознавать себя членом такого человеческого единения, а не членом Церкви — это духовная катастрофа, падение.

«Нет, это вас Господь спас», серьезно сказал владыка.

Его слова меня, конечно, очень обрадовали. Я молчал, чувствуя, что теперь владыка начнет говорить и без вопросов.

«Счастье и блаженство», — продолжал он, — «счастье, потому

что блаженство, это для нас слишком высоко. Да, мгновениями мы ощущаем и его, только редко. Не радуйтесь, когда ваш дух останавливается на созерцании жизни Божественной. Вот вы стоите в храме, и бывают дни, когда вами ясно и глубоко воспринимается все, что вам говорит Церковь. Слушайте и радуйтесь: это говорит, поет, живет Божественная жизнь, раскрываясь перед вами. Великое счастье ее слушать, ощущать, духовно созерцать и участвовать в ней. Великое счастье, потому что вы тогда живете вечной жизнью. Все, что она вам открывает из своего содержания, все, что скажет, все образы, которые вам передаст — все это недостижимо прекрасно, и никогда, ни один поэт не может подняться своим талантом до такой красоты и силы, до такого уровня поэзии, на котором постоянно пребывает поэзия церковная. Все, что она говорит — все живительно и прекрасно. Жизнь Церкви — это животворящий источник вечной жизни, источник великой силы. В водосвятной молитве на Богоявление Церковь называет святую воду «скачущей в жизнь вечную». Это образ быстроты, силы и энергии животворящего источника Божественной жизни... О, если бы не наши грехи, с каким блаженством мы отдавались бы этому потоку, скачущему в жизнь вечную.

Надо любить жизнь, надо радоваться жизни. Жизнь есть благо-

словенный дар Бога. Но грех принес смерть, страдание; искалечил жизнь: человек существовал, но бедно, страдая — пред ним стояла смерть. Он жаждал спасения, победы над смертью. Как это будет, он не знал, но веровал, что спасение будет. И оно пришло: Спаситель начинает *новую* жизнь, Богочеловеческую и дает возможность людям приобщиться этой новой жизни, побеждающей смерть. Эта новая жизнь в Нем. Он есть новая жизнь, и человеку надо приобщиться Ему, этой новой жизни; ее надо уметь ощущать, надо у Бога просить сподобиться ощущения Божественной жизни. Надо просить и надо принимать этот дар с трепетом и в страхе Божиим. И он даст вкусить, ощутить этот дар, благой дар, благодать новой Божественной жизни. Даст, ибо всегда дает, ибо зовет: «приидите и видите». А люди не берут... Чтобы взять, нужно любить жизнь и ненавидеть смерть и все родное смерти, всякий грех, страсть — это состояние, когда человек заживо начинает умирать... Вы видите, что на лице разврата всегда есть печать тления? Чтобы взять в себя новую жизнь, нужно освобождаться от власти смерти и тления, стряхивать с себя путы греха, освобождаться от них, и свободным, с сердцем, мужественным и обновленным, идти, нет, бросаться, как олень на источники водные, к этому благодатному, животворящему источнику

воды, «скачущей в жизнь вечную...»

Это дивный образ... К нашему стыду, переводчик на русский язык испугался силы этого образа, и вместо «скачущей» перевел — стремящейся. Это исправление — дело оробевшей души, и вписала это слово «рука бедствующая и худая». Но как она могла оробеть, когда Сам Господь нас зовет к великому дерзновению?

Этот образ говорит о силе, о стремительности силы Божественной жизни, это есть Божии слова, которые призывают нас к еще более великому... Образ этого источника воды, «скачущей в жизнь вечную», говорит нам о силе и энергии Божественной жизни, о том, что она может восстановить в нас силы и омыть, как родник, в жаркую пору, или среди сражения и борьбы в этой земной жизни. Да, велика его живительная сила, но припавший к источнику остается таким же человеком, каким был, и снова пыль и зной, и труд, и страдание земной жизни будут его покорять. А между тем, душа не хочет им рабствовать, она хочет глубокого обновления человеческого естества, чтобы беспрепятственно и вечно воспринимать ту радость и блаженство, которое дает ей этот Божественный, чудотворный источник. Она не хочет рабства греху и смерти... На это желание Господь отвечает человеку словами о лозе и гроз-

дьях. «Азь есмь лоза, вы же гроздья» — говорит Спаситель апостолам после Тайной Вечери, когда они приобщились Тайнам Тела и Крови Его, приобщились Его Богочеловеческому естеству. Лоза, ветви и гроздья представляют собою единство: в них одна сила, одно единство. О, теперь нам понятно, что человек, прикинув к источнику Божественной жизни, не только омылся и восстановил силы, нет, произошло нечто большее: он приобщился ей, сроднился с ней. Это уже не тот человек, который, веря в таинстве покаяния, рвался на свободу, разрывая и сбрасывая оковы греха, — теперь в нем новая жизнь, он новый побег, новая виноградина, которая напоена новой силой, новым существом, которое передала ей от себя лоза. Теперь это новый, другой человек, иной, чем был раньше.

О, обновление не происходит молниеносно: в этом новом и другом человеке еще многое есть от вчерашнего, рабствующего греху, но семя жизни уже в нем, и оно будет его перерождать, как закваска оживляет дотоле мертвое тесто. Но пусть этот процесс оживления и перерождения только начался, тем не менее, он уже есть, и потому пред нами новый человек, а не тот старый, в котором еще не было этой перерождающей силы, пред нами не просто человек — ныне он, приобщенный Телу и Крови, уже бого-

человек, сын Божий. Да, с ним произошло не только нравственное потрясение, нет, произошло нечто гораздо большее и страшное — он стал сыном Божиим... В страхе падает человек ниц перед этим призванием — «сыновства». Ему страшно это призвание... Но что же он слышит тогда над собой? Раскаты ли грома и проявления Божьего всемогущества? Нет, он слышит над собой нежное слово Божией любви: «чадца моя», говорит Христос. Детки мои...

Вот что такое новая благодатная жизнь, дарованная людям Христом, вот что такое приобщенность к ней, что такое сыновство, и что такое Церковь. И вот почему надо уметь отрывать от земной жизни, любить жизнь Церкви, любить, когда она раскрывает себя и радуется своему сыновству, — почему надо любить богослужение...»

Владыка и сам взволновался своим словом, своим неожиданным вдохновенным исповеданием, этим потоком образов, который так вдруг вырвался из его сердца. Он замолчал и сидел строгий и серьезный.

IV

Минуту-другую мы молчали, и вдруг он взглянул на меня и улыбнулся, мягко и ласково. И опять стал строгим. Мы еще помолчали.

«Как сегодня на дворе? Холодно?» — спросил он тихим голосом.

«Ничего. Только ветрено».

«Я хотел сегодня выйти».

«Когда? Утром?»

«Да, часов в 11».

«Вот досада... Нужно вам? Ну, что делать. Теперь долго не увидимся. Хотел было вас кое-что спросить, но, впрочем, тема не столь интересная, интеллигентская».

«Спрашивайте».

«Ну, хорошо. Только не сердитесь на меня: у меня у самого тоска бывает от таких вопросов, но я не умею на них хорошо ответить. Дело вот в чем: говорил я с одним священником об инославии...»

«Лучше бы говорили о Православии...»

«Да, конечно, но выслушайте».

Он говорил, и довольно горячо, о том, что вся истина в Православии, что только Православная Церковь есть истинная Церковь, и вместе с тем он считает, что и в инославии есть таинства... Я ему доказывал, что он сам себе противоречит, что Православная Церковь потому и есть Церковь, что в ней есть тайна причастия Телу и Крови, что в этом и есть существо Церкви...»

«Ну? Что же вы от меня хотите? Вы сами ему отлично ответили».

«А он на мои слова ответил, что это рационализм, что до отрицания таинств в инославии я дохожу путем логических выводов, а что он, веруя в истину Православия, не хо-

чет делать таких выводов».

«Ах, вот как... Он не хочет делать выводов из того положения, которое сам исповедует, а потому... делает выводы в отношении и в пользу других исповеданий? Где же логика? И, что значит делать выводы? Как их делать? Святые отцы тоже рассуждали логически, что же, он и их будет упрекать в рационализме? Они высоко ставили дар рассуждения, но это не есть схоластическое теоретическое рассуждение. Выводы логики и ума надо проверять разумом веры, ибо вера есть особый способ познания. Впрочем, это тоже особая тема — что есть вера. В отношении же вашего собеседника, как ему отвечать так, чтобы ваш ответ дошел до его сердца и сознания, на это трудно ответить, не зная его. Принципиальная сторона вашего ответа ему верна, а дальше надо смотреть, почему он приходит к своим выводам. Тут возможны разные причины, иногда сентиментального характера, иногда искреннее недоумение. Однако, вероятнее всего, что за его положениями стоит маловерие... Истину Церкви, и сыновства он, как говорите, принимает, но он не может примириться с мыслью о том, что сыновство есть только в Православии, а что вне Церкви — его нет».

«Но почему же маловерие? Это скорее подходит к тому, что вы называете сентиментальными мотивами?»

«Ну, как же вы не понимаете? Тут все дело в том, что он не понимает, какая святыня — Церковь, он не проникся этим сыновством. Если им проникнуться, хоть в малой степени, тогда поймешь, что более удивительно, что сыновство вообще есть, что хоть один человек стал сыном, или одни только апостолы, чем то, что за пределами Церкви остались народы... Понимаете? Сыновство апостолов есть явление более удивительное, чем весь мир — вне сыновства. Маловерие в том, что не склоняется в страхе Божиим пред сыновством, пред Церковью, а вот задает вопросы — а как же вот еще эти или те. В его утверждениях больше чисто человеческих рассуждений и представлений, больше человеческого рационализма, чем в благоговейном почитании Церкви со стороны тех, кого он упрекает. Исповедание веры в Церковь есть исповедание ее внутреннего единства и ее единственности; исповедание веры в приобщенность Церкви Богочеловеку, в возможность приобщения в ней Тайнам Тела и Крови Христовым. Кто так исповедует, как может он признавать это Таинство в другой церкви, — иное сыновство? Или разделился Христос? Нет, православное сознание с тоской отвращается от этих слов, и сердце хочет остановить вашего собеседника словами: — дай душе твоей отдаться радости веры, дай ей трепетно преклониться пред Церковью и сы-

новством — этим великим даром милости Божией; пусть твой дух обновится умиленным созерцанием Истины Церкви, и тогда он ответит тебе об тщете твоих домыслов, твоего рационализма и сомнений. . . Он научит тебя дару рассуждения и прежде всего тому, чтобы терпеливо оставлять вопросы нерешенными, терпеливо ждать — не пошлет ли Господь понимание ранее неясного. Научит говорить «верую, Господи, помоги моему неверию». *Credo ut intellegam*, т. е. верую, чтобы понимать, или в надежде, что потом пойму. Ты веруешь, но так бессильно, едва-едва, эта вера почти неверие. Мы все всегда должны молиться о вере, чтобы дал Господь веру, наполняющую силой мужественное сердце. Все святые, все исповедники — это, прежде всего, люди мужественного сердца. Мы должны «работать Господеви со страхом и радоваться Ему с трепетом», и так мы должны созерцать и исповедывать истину Церкви, эту бесконечную милость любви и усыновления. И если пытливый ум будет просить освещения тех или иных вопросов, то пусть он принимает лишь те ответы, которые не колеблют положений, открываемых нам верою. В частности, к данному случаю — ответы должны сходиться с тем, что по слову Божию — Церковь выделена из остального мира, ибо Господь сказал апостолам «Аз избрах вы от мира» (Ин. 15:19). Это-

го избрания и выделения Церкви от мира никогда нельзя забывать, нельзя колебаться, смущаясь малодушно высотой избрания. . . Оно велико и таинственно, это надо помнить. . . «Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом. . . Аллилуйя», вдруг пропел владыка и, несколько растроганный, с улыбкой взглянул на меня.

«Что вы на это скажете?»

«Спасибо. Хорошо».

V

Он помолчал. «Давно ли видели владыку митрополита?»

«На прошлой неделе, в Карловцах».

«О чем шла речь?»

«О многом. . . Да, между прочим, говорили о Достоевском, и оказался один вопрос, по которому взгляды митрополита не совпадают с вашими». Эти мои слова были, по видимому, владыке немножко неприятны.

«В чем дело?»

«Помните, мы говорили с вами о мнении или слухе, что «Братья Карамазовы», в которых, по словам самого Достоевского, главный герой Алеша, есть только 1-ая часть задуманной им трилогии, что во второй и третьей части Алеша должен был быть описан в миру, взрослым, женатым, и потом стариком?»

«Помню».

«И вы сказали тогда, что это

мнение вам представляется верным, что мысль описать всю жизнь человека, показать норму — вам представляется оправданной и интересной».

«Помню, и что же дальше?», сказал владыка с нетерпением.

«А владыка митрополит говорит, что эта мысль и замысел неверны, что «норма» уже дана в том, что уже написано: норма — это христианское сердце, христианское состояние души. Эта норма дана, и она одинакова для всех возрастов, у старца Зосимы и юноши Алеши — духовное устройство одинаково, и потому нет надобности описывать ее у человека в разных возрастах. Не нужно, потому что это будет повторением»

Владыка молчал. Тогда я продолжил: «Я сказал митрополиту ваше мнение по этому вопросу».

«И что же он?»

«Он сказал, что вы, вероятно, не додумали этого вопроса... А что вы скажете?»

«Скажу, что если вы когда-либо увидите разномыслие между мной и митрополитом Антонием, то всегда знайте, что прав он, а не я...»

«Но почему же», начал было я, но владыка вдруг перебил меня и с горячностью воскликнул:

«Потому, что митрополит Антоний — гениальный человек, которого вы не умеете ценить».

Но тут и я загорячился и, во всяком случае, не менее горячо вос-

кликнул:

«Как не умею ценить? Как вы можете это говорить, когда знаете, что для меня митрополит Антоний»...

Но я не кончил: меня остановил его радостный, веселый смех, и слова сквозь смех — «успокойтесь, я не о вас говорю». Владыка смеялся от всей души, весело и заразительно...

«Чему вы так смеетесь?»

Вместо ответа он стал меня представлять: делал вид, что хочет вскочить, и с страшным лицом, поднимая кулак, как бы кидался на меня со словами «как не умею ценить», и опять смеялся, также, как и я.

«Владыко, я ведь не так говорил».

«Совершенно так».

«Но я ведь не вскакивал и кулака не поднимал».

«Это все равно» — и опять меня также представлял.

Успокоившись, он продолжал: «Я, конечно, не имел в виду лично вас. Мои слова относились к этим многочисленным и тупым интеллигентам, которые не понимают митрополита Антония. К этой нечуткости сердечной, к этой «косности и бессмысленности» сердце нельзя привыкнуть, они всегда будут ранить... Митрополит Антоний — человек исключительной, живой любви к Богу; он поистине живет Богом и в Боге; соприкасаясь с ним, нельзя не ощущать именно этого».

Вот почему так бывает обрадована общением с ним душа человека, если только она придет к нему без предвзятости, открытая и искренняя. Митрополит Антоний знал только одно отношение к человеку — церковное, он искал единения с ним во Христе. Наши бедные интеллигенты приходят к нему не для этого: они приходят с сердцем закрытым, приносят *свои* — на этом ударе — маленькие мысли. Они тщательно обдумывают свои мысли, оцепивают комара... и не видят митрополита Антония... Самоуверенно разбирают его слова, обращаются с ним запанибрата. Что только о нем не говорили тупые головы и сухие сердца... Но Церковь его любила и радовалась на него. Митрополит Антоний — личность настолько исключительная, что постоянно вызывает чувство изумления: он неисчерпаем, и человек всегда открывает в нем что-то новое. Представьте себе старого ученого профессора, произведения которого вы изучили. Его слова всегда будут повторением его, известных вам мыслей. Такова судьба человеческого творчества и достижений. Но не так с нашим митрополитом. Почему? Митрополит Антоний всегда писал и говорил от избытка сердца, выражая открыто то, чем жило в данный момент его сердце в своем предстоянии Богу. И теперь — маститый старец — он говорит также: он выносит пред вами жизнь свое-

го сердца, своего духа, обращенного к Богу. Так могут поступать только подлинно духовные люди, ибо, если бы обычные люди открыли свое сердце, то не привлекли бы к себе людей, а наоборот — они отшатнулись бы от него. А митрополит неудержимо привлекает к себе. Когда митрополита спрашивали о секрете его влияния на юношество, он удивленно отвечал, что никакого секрета нет, что он только открывает им свою жизнь пред Богом. Это ответ, волнующий своею детски чистой скромностью и смирением: он спешит сказать, — не я привлекаю, привлекает благодать Божия, но Боже мой, как надо любить благодать Божию, каким надо быть чистым и смиренным, чтобы дать ей действовать через меня, чтобы ей не помешать... Да, именно так действовали праведники, проповедники, таков и их метод и «секрет» влияния на души человеческие.

Почему главным предметом его духовной деятельности была борьба со схоластикой? Вот именно потому, что для него богословствовать — значит открывать свою духовную жизнь в ее предстоянии Богу. Схоластика произносит слова, за которыми не стоит духовного опыта. Ученый схоласт произносит формулы, но душа его остается безучастной к их содержанию, и он не болеет от этой безучастности. Он не смущается тем, что его душа молчит, когда он говорит о Боже-

ственном мире, а она должна была бы ликовать. Ему это безразлично. При таком разрыве, при таком отношении к слову не может быть Богословия, не может быть слова о Живом Боге, о Божественной жизни. Могут быть только гипотезы, отвлеченные теории...

Вся личность митрополита Антония, его деятельность, его жизнь есть отрицание схоластики. Он настолько цельная личность и настолько яркая, он нанес такой сокрушительный удар схоластическому мышлению или, вернее, схоластическому духовному устройению — вот этой разделенности слова и духа, мысли и сердца — что не будет большим преувеличением сказать — до него у нас была схоластика, а с него — богословие. Схоластикой было тяжело и долго поражено русское богословие. Вы ее найдете даже у м. Филарета, не говоря о множестве профессоров. Но нельзя научить Православию, будучи схоластом, ибо Православие есть жизнь во Христе... Знайте, что человек произносит схоластические формулы, и не ощущает их несоответствия запросу духа, это всегда свидетельствует о какой-то неправомерности последнего... В конце концов, это есть болезнь маловерия: человек не научился живою верою проникать в законы и тайны Божественной жизни, насколько они могут быть ему открыты, и потому не научился взглядом и слухом веры

проверять свои мысли и слова...

Есть какая-то постоянно обновляющаяся радость от общения с митрополитом Антонием... Радость и благодарность...»

Владыка на минуту остановился, как бы прикидывая — сказать или нет — и продолжал: «Да, это необычайный человек... Когда я приезжаю в Карловцы и прихожу к нему, то, если никого нет, я всегда приветствую его... земным поклоном... Он, конечно, по своему смирению останавливает меня, но у меня всегда живая потребность именно так выразить ему свое чувство...»

Владыка замолк. Может быть, потому, что затронул такое глубокое чувство, почти невыразимое чувство своей любви к митрополиту Антонию, к их духовному, церковному, в Боге, единению, чувства радости и благодарности от счастья этого единения... Вздвигнутый его рассказом, я хотел себе представить встречу двух архипастырей и земной поклон одного другому...

Но владыка ласковой шуткой отвел мое внимание от этого образа их любви и духовной дружбы. Он с улыбкой посмотрел на меня, сделал страшное лицо, поднял руку, как будто кидаясь на меня «Как не умею ценить»... Но не засмеялся, а сказал тихо, спокойно и убежденно: «Благодарите Бога, что вы узнали и полюбили владыку Антония».

На этом я закончу свои воспоминания. Не знаю, удалось ли мне рассказать и дать понять и почувствовать, кем был архиепископ Гавриил. Но если у моего читателя хоть немного согрелось сердце и шевельнулось чувство радости и благодарности, что был архиепископ Гавриил, то во имя его и во имя его любви к митрополиту Антонию, вот о чем надо подумать:

Мы смотрим на архиепископа Гавриила снизу вверх, — радуемся его любви, его уму, его вере, его постоянному духовному бодрствованию и его духовному горению, его радости о Боге, о вере, о Церкви. Радуемся ему и дивимся; он больше нас, выше нас. А этот архиепископ Гавриил, встречаясь с митрополитом Антонием, до земли склонялся перед ним, в радости, благодарности и любви. . .

Архиепископ Гавриил мало оставил по себе творений. Есть написанные им конспекты его лекций Братству преп. Серафима в Белграде на темы: «Притчи Господни», «Чудеса Господни», «Беседы Господни». Есть его старые записанные им проповеди, сказанные еще в России. Есть довольно много его музыкальных произведений, но они еще ждут своего издателя.

Но войти в его духовный мир, в мир его духовной дружбы с митрополитом Антонием можно, читая и изучая творения последнего. Для этого есть возможность. Если хотя

бы прочесть изданный в 1935 г. сборник избранных сочинений митрополита Антония — а он всем доступен — то станет понятным и близким тот дух, который составлял содержание духовной дружбы обоих архипастырей. Понять этот дух надо не только из доброй любознательности, а еще и потому, что, усваивая его, как-то особенно выправляется и верно устанавливается наша душа. Каждый человек несет и преодолевает задачи и искушения своего времени, и потому нам всегда понятнее, и сильнее на нас влияет наш современник, и голос его звучит для нас внятнее: у него больше ответов на наши вопросы.

Теперь перед нами, можно сказать, одна общая русская задача: — возрождение русского православного человека. Его душа подвергается теперь страшному гонению, с одной стороны, и с другой стороны натиску чуждых или прямо враждебных сил и влияний. Они ведут борьбу с русской душой. Но не надо думать, что эта борьба явление новое. Она имеет свою историю. Вспомните прошлый век, вспомните борьбу западников, нигилистов, позитивистов, социалистов; вспомните Толстого и, наконец, всю разнузданность, иногда сатанизм, эротику времен перед революцией. «Мы дети страшных лет России».

Но история России не исчерпывается этими явлениями. В том же прошлом веке был русский по-

ток, была Церковь, был преп. Серафим, митрополит Филарет, Феофан Затворник, Иоанн Кронштадтский, были праведные люди России; были православные русские люди, был Хомяков, и Достоевский. Подлинная православная Россия вела борьбу за свое существование, за душу русского человека. В этой борьбе есть свое нарастание, периоды упадка и расцвета. В конце прошлого и начале теперешнего века видно русское православное церковное возрождение. Снова, после 20 лет перерыва, студенты Академии начали принимать пострижение и стали загораться желанием подвига во имя Христа. Началась та волна возрождения, которая потом, уже во время революции, дала столько исповедников веры. Русская мысль, русская душа освободились от схоластики и жадно потянулись к живой жизни во Христе, к подлинному живому духовному церковному опыту. Русский человек, причастный к этому возрождению, ощущая его, «поверил в свою веру» — в ее творческую живительную силу. Он сбросил с себя и со своего ума чуждые формы и заговорил о Боге, о вере словом простым, живым и свободным. И рус-

ская верующая душа принимала это слово, как земля принимает долгожданный, весенний, теплый дождь.

Самой яркой личностью этого возрождения был митрополит Антоний, и его благодарно и горячо полюбили русские люди и его, как самого дорогого и любимого, на Московском Соборе избрали первым кандидатом в Патриархи.

Архиепископ Гавриил, моложе его, был весь от той же струи русской жизни, куда собирались люди, нашедшие себя в Церкви и освобожденные от чуждых и враждебных влияний — учений, теорий, навыков мысли, вкусов и психологии...

Наша современная борьба не есть нечто для России новое, эта борьба велась и раньше, но наша будущая победа и возрождение русского православного человека только и может быть на путях продолжения дела митрополита Антония и всех, кто шел за ним, ибо это и есть путь желанного возрождения.

Дать возможность в образах и понятной нам обстановке представить себе настроение, любовь, мысли, дух, вообще все духовное содержание людей этой струи русского возрождения, — такова задача этого очерка об архиепископе Гаврииле.